

Во мне всегда была подлость. Получил это от моего отца. У неё никогда не было особого шанса поднять свою уродливую голову, но в каждой драке, в которой я когда-либо участвовал, моей реакцией на удар было то, что я бил сильнее. Когда кто-то меня обижал, я становился злым. У меня никогда не было сил просто стиснуть зубы и принять это. Эта подлость очень помогла мне в жизни, гораздо больше, чем подпортила.

Но я никогда не думал, что во мне есть "это".

Почти оцепенев, я сел в знакомое кресло в клинике доктора Томпкинс, глядя на свои окровавленные руки. Не того парня, которого я забил до смерти. Это Джека. От того, что вытащили его и всех, кто был в лагере, из канализации в клинику. Моя нога нетерпеливо дёргалась, дрожь еще не покинула мое тело. Я все еще чувствовал вибрацию, идущую от моих рук вверх с первого взмаха. Потом все, что было после.

Я вышел из транса только тогда, когда пара рук потянулась накрыть мою. Я моргнул один раз, подняв глаза и увидев, что Тифа смотрит на меня глазами, полными беспокойства. Она стояла передо мной на коленях.

Ее руки были грубее моих, мозоли от боевых искусств царапали мои собственные.

— Верджил? — спросила Тифа, сжимая мои руки, чтобы привлечь мое внимание. Я моргнул один раз, откидываясь назад.

— Да?

— Я уже некоторое время пытаюсь привлечь твоё внимание. — сообщила Тифа, выглядя еще более обеспокоенной. Я заметил, что испачкал её руки кровью, так как она сняла перчатки. Я отвернулся от ее обеспокоенного взгляда, прежде чем до меня дошло, что я на какое-то время отключился, если она так на меня смотрит.

— Джек и остальные... — я оборвал себя, сжав руки в кулаки, готовясь к плохим новостям.

— С ними всё будет хорошо. У Джека сломаны кости руки и ребер, но доктор Томпкинс ожидает, что он полностью выздоровеет. — успокоила Тифа. С этими словами ледяной страх перестал сжимать мое сердце тисками, но на смену пришла вина. Все, кого мы привезли, будут в порядке.

Я практически сдунул в кресле, в котором сидел. — Я... это хорошо. Это здорово, я... я очень волновался, что... — Я снова замолчал, мои губы сжались при мысли об этом.

— Это было близко. — призналась Тифа. — Если бы мы приехали позже, люди бы погибли.

— Люди погибли. — тихо поправил я. С момента прибытия в Готэм я убил четырех человек.

Трое из них с пистолетом, а одного я забил до смерти бейсбольной битой.

— Не вини себя. — успокоила Тифа, снова потянувшись, чтобы взять меня за руки. Я обнаружил, что смотрю вниз, туда, где ее руки держали мои, мои полные стыда глаза избегали ее обеспокоенного взгляда. — Ты не виноват, что мы не успели вовремя остановить это. Мы не могли знать, что это произойдет.

Мне следовало. Я никак не мог знать, что "Джокеры" сделают это, но я знал, что существует вероятность того, что люди Пингвина сделают что-то подобное. Я... Не было правильного варианта того, что я мог бы сделать. Если бы я подошел к ним раньше, то мог бы привести Пингвина прямо к ним. Я...

— Это из-за того парня? Верджил, я могла бы остановить тебя после первого замаха. Я этого не сделала. Я так же виновата в том, что произошло. — По крайней мере, она не говорила мне, что это не моя вина.

— Был такой момент, знаешь, пару махов, что я... я вроде... подумал про себя, что могу остановиться. Что мне не нужно было переходить эту черту. Я имею в виду... до вчерашнего дня я никогда никого не убивал, но когда ты делаешь это из пистолета, это... с битой все по-другому. Или с оружием. — Говорил я, пытаюсь выразить словами свои мысли и чувства.

— Я знаю. — согласилась Тифа, сжимая мои руки и позволяя мне выговориться.

— Мне не нужно было переходить эту черту. Я знаю это. И... я мог бы остановиться. Я... я просто не хотел. — тихо признался я. — И... Я рад, что он мертв. Я не знаю, кем он был и что заставило его ебануться на всю голову, но... Я рад, что он мертв. Все трое. — Я осмелился взглянуть на Тифу, чтобы увидеть ее реакцию, ожидая осуждения в ее глазах. Вместо этого я увидел сочувствие и понимание.

Я не чувствовал, что заслужил это. Я сделал что-то ужасное. Что-то явно неправильное. И я сожалел только о том, что это сделал я. Если бы эти парни погибли какой-то ужасной судьбой от рук кого-то другого, я был бы совершенно счастлив узнать, что они пострадали. Но я сожалел о том, что именно я убил их, и я знал, что это будет преследовать меня.

Это делало меня трусом? Желание, чтобы они страдали, но не желание сделать это самому, чтобы успокоить свою совесть? Или у меня просто проблемы с головой и только сейчас я это осознал?

— Я знаю. — повторила она сама. — В трущобах было чувство общности. Типа... мы все были в этой ужасной ситуации, но мы все были в ней вместе. Но это не значит, что все было идеально. В трущобах не было особых возможностей для обеспечения правопорядка, и хотя Сектор Семь был лучше, чем большинство других, он все равно был довольно плохим. Ты мог найти таких людей, как эти люди, которые просто хотели причинить вред другим людям, потому что могли. Потому что они думали, что никто их не остановит, потому что у них была самая большая пушка.

Тифа на мгновение замолчала, ее плечи опустились, и она тихо вздохнула. — Соседский дозор имел дело с ними так же, как и с настоящими монстрами. Так что... Верджил... Я понимаю. — закончила она, сжав мои руки в последний раз, прежде чем использовать мои руки, чтобы поднять меня на ноги. Часть меня хотела оставаться в кресле до тех пор, пока мы не сольемся в одно целое, чтобы я больше никогда не мог встать, но я заставил себя встать.

Я взглянул на дверь зала ожидания. — Доктор Томпкинс...? — Я замолчал, гадая, как много ей рассказала Тифа. Доктор, похоже, согласилась с тем, что первых я убил в целях самообороны, но... забить человека до смерти - это совсем другое дело. Я все еще едва мог поверить, что сделал это. Теперь, когда гнев ушел, его сменили... шок и неверие.

Тифа покачала головой. — Я просто сказала ей, что они мертвы и у нас не было выбора. Кажется, она поняла, когда я сказала ей, что они "Джокеры". — Это было облегчением. — Ну давай же. Джек проснулся и хотел тебя увидеть. — При этих словах я оживился, кивнул и последовал за Тифой из комнаты. Однако у двери я задержался на секунду, прежде чем снова взглянуть на стул.

На кофейном столике лежала открытка. Плотная черная карта. Настолько темная, что страшно было смотреть. Я протянул руку, вспомнив карту, и она полетела мне в руку. Я украдкой взглянул на другую сторону и увидел окровавленную бейсбольную битку.

Орудие убийства. Проклятая серия.

Я понятия не имел, что это значит, но сунул карту в карман вместе с остальной колодой. Не считая Проклятой карты, моя колода снова насчитывала пятьдесят две карты, так что Проклятая карта, похоже, не учитывалась в общем количестве. Вероятно, это что-то значило, но когда мы с Тифой подошли к больничной палате, на которую Тифа указала жестом, я был более чем отвлечен.

Сглотнув, я внезапно ощутил тяжелый случай дежавю, который напомнил мне, почему я ненавижу больницы. Не обращая на это внимания, я схватился за ручку и открыл дверь. Джек сидел на больничной койке и выглядел совершенно хреново. Его лицо опухло, а один глаз почернел до такой степени, что он ничего не мог видеть, но, не считая швов, скрепляющих его лицо, он выглядел... живым.

<http://tl.rulate.ru/book/83008/4263589>